

DOI 10.35775/PSI.2025.75.10.012

УДК 327

К.П. ПЕТРОВА

аспирант Севастопольского
государственного университета,
Россия, г. Севастополь
E-mail: katerina007ket@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И КИТАЕМ

В статье анализируется эволюция дипломатических отношений Турции и Китая на протяжении второй половины XX и начала XXI века. Цель исследования состоит в выявлении факторов, обусловивших переход от идеологической разобщенности к современной модели взаимодействия, основанной на институциональной и инфраструктурной взаимосвязанности. Выбор объекта исследования связан со сложностью двусторонних отношений, формируемых под воздействием изменений международной структуры, экономической асимметрии и различий во внешнеполитических траекториях. Методология опирается на системный подход и включает совокупность общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также специальные методы изучения дипломатических процессов: анализ научных работ, сопоставление источников и структурно-функциональный метод. По итогам исследования установлено, что эволюция отношений определяется сочетанием политических, экономических и региональных факторов, создающих основу для гибкого дипломатического взаимодействия. Современный этап характеризуется преобладанием экономической и инфраструктурной составляющей, обеспечивающей устойчивость двустороннего диалога.

Ключевые слова: Турция, Китай, дипломатические отношения, внешняя политика, международные связи, инфраструктурные инициативы, экономическая асимметрия.

История дипломатических отношений между Турцией и Китаем формируется на стыке нескольких политических траекторий, возникших в результате столкновения идеологических режимов, смены международных структур и неоднократных попыток обеих стран скорректировать свои стратегии взаимодействия. На протяжении второй половины XX века отношения развивались неравномерно, что объясняется разницей в экономических моделях, внешнеполитических ориентирах и региональных приоритетах. На рубеже столетий дипломатическая динамика стала проявлять признаки нового формата, в котором прежняя идеологическая дистанция уступила место осторожному сближению, а позднее – системному поиску взаимной выгоды.

Публикации последних лет демонстрируют, что эта эволюция требует исследовательского подхода, учитывающего не только внешнеполитические решения отдельных этапов, но и внутренние механизмы формирования взаимных ожиданий. Работы В.А. Аваткова и Е.С. Меньшиковой [1. С. 109-119] рассматривают этот фактор как устойчивый элемент дипломатического взаимодействия. Авто-

ры показывают, что восприятие уйгурского вопроса в Турции обусловлено совокупностью исторических, культурных и политических обстоятельств, которые периодически усиливаются в периоды внутренних изменений в турецкой политической системе.

Выстраивание партнерства между Анкарой и Пекином связано с тем, как государства реагировали на региональные трансформации и перераспределение мировых силовых центров. Дипломатические практики менялись вслед за внутренними корректировками внешней политики обеих стран, поэтому эти изменения позволили перейти от периода настороженности к современному уровню взаимодействия, основанному на институциональной и инфраструктурной взаимосвязанности.

Первые десятилетия после образования Китайской Народной Республики были периодом формирования значительной дистанции между Анкарой и Пекином. Турция входила в блок государств, ориентированных на атлантические структуры, и рассматривала Китай через призму общей конфигурации холодной войны. Корейская война усилила это восприятие. Участие турецких подразделений в боевых действиях на стороне сил, выступавших против китайских добровольцев, сформировало устойчивый образ соперничества, который сохранялся на уровне политической риторики и общественного мнения.

Исторически значимой особенностью первого этапа стало отсутствие попыток институционализировать связи. Турция воспринимала Китай как государство, находящееся в сфере влияния советского блока, а Пекин относил Турцию к группе союзников Соединенных Штатов. Такая взаимная трактовка лишала смысла даже осторожные шаги в сторону диалога. Внутренняя логика дипломатии того времени строилась на последовательном воспроизведении идеологических ориентаций.

Однако замкнутая структура международной системы, определявшая их, постепенно утрачивала прежнюю жесткость, хотя значимые изменения в двусторонних отношениях на протяжении 1950-1960-х годов оставались едва заметным.

Вторую половину 1960-х годов отличала скрытая трансформация международной среды. Состояние двусторонней изоляции уже не соответствовало внутренним потребностям государств. Турция стремилась расширить «внешнеполитическое пространство и уменьшить зависимость от односторонних опор, а Китай, переживавший период внутренних потрясений, постепенно выходил на новый уровень самопозиционирования» [2. С. 11]. На этом фоне начали возникать первые неформальные контакты.

Механизмы установления дипломатических отношений в начале 1970-х годов стали результатом накопления этих скрытых процессов. Турция постепенно пересматривала прежние установки внешней политики. Решение признать Китай стало следствием общей перестройки международной линии Анкары. В то же время Пекин рассматривал продвижение к нормализации как важный элемент укрепления своих позиций в международных организациях. Обе стороны стремились избежать резкого перехода.

Установление отношений в 1971 году не стало одномоментным изменением и не означало автоматического перехода к всестороннему сотрудничеству.

Период с начала 1970-х до конца холодной войны стал этапом медленного, но устойчивого включения диалога между Турцией и Китаем в рамки формализованных дипломатических процедур. Формальное признание открыло пространство для регулярных контактов, однако структура международной системы оставалась фактором, сдерживающим темпы сближения. Турция сохраняла тесную привязанность к западному блоку, а Китай продолжал восприниматься как государство, чьи политические ориентиры существенно расходятся с интересами Анкары, поэтому взаимодействие развивалось фрагментарно: периодические визиты существовали, но не образовывали последовательной стратегии.

Ситуация начала меняться благодаря реформам, развернутым Пекином в конце 1970-х годов. Новая экономическая модель создавала условия для расширения связей с государствами, которые ранее находились на периферии китайской внешней политики. Анкара, следившая за изменениями, постепенно включала Китай в число партнеров, способных выступать источником технологий и альтернативным направлением торгового обмена. Однако идеологические расхождения еще сохраняли значительное влияние.

Здесь стоит отметить осторожность турецкой стороны при оценке внутренних процессов в Китае и в сдержанность Пекина при выстраивании любых политически чувствительных инициатив.

Окончание холодной войны преобразовало условия, в которых складывалось взаимодействие. Исчезновение биполярной структуры привело к переоценке долгосрочных стратегий как Анкарой, так и Пекином. Турция оказалась в положении государства, стремящегося расширить внешнеполитические горизонты и уменьшить зависимость от прежних архитектур безопасности. Китай, в свою очередь, начал выстраивать новые связи по всей Евразии, уделяя особое внимание регионам, находящимся вне традиционных сфер его влияния. Взаимные интересы усиливались благодаря региональным изменениям: трансформация ситуации в Центральной Азии, развитие контактов в сфере безопасности и необходимость адаптации к новым экономическим вызовам.

Возросла интенсивность двусторонних визитов, расширились форматы политических консультаций, появились специализированные межправительственные комиссии. Эти структуры обеспечивали регулярность взаимодействия и выводили отношения на значительно более стабильный уровень. При этом сохранялись внутренние ограничения, связанные с разницей экономических потенциалов и отличиями в региональных приоритетах, но они уже не определяли динамику полностью. Постбиполярная среда сделала сотрудничество более гибким.

Период 1990-х и 2000-х годов постепенно превратился в основу современного формата сотрудничества. Взаимная адаптация к меняющимся международным условиям создала базу, на которой стало возможным дальнейшее развитие институциональных механизмов и расширение контактов в чувствительных сферах. Начало XXI века стало периодом, когда экономическое взаимодействие между Турцией и Китаем приобрело системный характер. Развитие торговли и расширение инвестиционного сотрудничества сделали экономическую плоскость главным элементом двусторонних отношений. Пекин стремился укрепить свое присутствие на рынках Европы и Ближнего Востока, рассматривая Турцию как территорию, обладающую транзитным потенциалом и развитой

промышленной базой. Анкара, сталкивавшаяся с периодическими экономическими трудностями, видела в Китае источник финансовых ресурсов, технологий и рынков сбыта. Несовпадение масштаба экономик «сформировало асимметрию, но она не препятствовала сотрудничеству; скорее, она стала структурным условием, определяющим подходы сторон к выбору инструментов взаимодействия» [7. С. 25].

Турция развивала собственную модель транспортных и энергетических коридоров, стремясь закрепить роль страны как узла широкой евразийской сети. М.А. Дьяконова раскрывает роль Турции в реализации китайской стратегии, направленной на расширение экономической активности Пекина на Ближнем Востоке. В ее работе подчеркивается, что Анкара оказывается в положении государства, сочетающего традиционные связи с западными странами и стремление использовать возможности, возникающие вследствие китайского продвижения в регионе [3. С. 105-111].

Сходные выводы представлены и в тексте Н.Ю. Ульченко, где рассматривается участие Турции в экономических инициативах Китая как часть более широкой стратегии Анкары, направленной на развитие отношений с государствами глобального Юга [8. С. 541-551].

Китайская инициатива по созданию евразийских торгово-инфраструктурных маршрутов органично соприкасалась с турецкими стратегиями, хотя стороны вкладывали в совместные проекты различное содержание. Пекин стремился к диверсификации маршрутов и снижению зависимости от северных направлений, тогда как Анкара рассматривала такие проекты как способ усилить автономию и получить дополнительные ресурсы для модернизации собственной экономики. А.Т. Мозлоев и А.К. Галимзянова добавляют к общей картине идею многополярности и ее влияния на взаимодействие Турции и Китая. Авторы описывают стремление государств адаптироваться к изменению мировой структуры через развитие новых политических и экономических связей [6. С. 33-41].

Экономическая асимметрия становилась очевидной в торговом балансе, который устойчиво складывался не в пользу Турции. Китайские компании занимали укрепляющиеся позиции на турецком рынке, в то время как доступ турецкого экспорта к китайской экономике развивался медленнее. Пекин, в свою очередь, делал акцент на долгосрочных проектах в энергетике, транспорте и промышленности, избегая резких политических шагов и предпочитая развивать сотрудничество через гибкую экономическую дипломатию. В 2000-х годах объем двусторонней торговли составлял примерно 1 млрд дол., однако к 2018 году он вырос уже до 23 млрд. При этом треть общего внешнеторгового дефицита Турции приходится именно на Китай – свыше 55 млрд долл. Участие в проекте Новый шелковый путь – железнодорожная магистраль «Железный шелковый путь / Средний коридор» – путь из КНР в Европу через Турцию. Во время реализации проекта «Шелковый путь» Турция получила от Китая 5 млрд дол. [10. С. 115-130].

Инфраструктурные и транспортные проекты становятся самостоятельным направлением анализа, что особенно заметно в исследованиях А.В. Зотовой и Г.В. Косова. Рассматривая развитие транспортных коридоров, авторы показывают, что интересы Турции и Китая сталкиваются с интересами России, формируя сложную трехстороннюю динамику [4. С. 223-229; 5. С. 107-115].

Анализ исторических этапов дипломатического взаимодействия показывает, что развитие отношений между Турцией и Китаем не подчинялось линейной логике. Взаимодействие менялось под влиянием международных трансформаций, внутренних корректировок внешней политики и постепенно формирующихся экономических интересов.

Следует предложить периодизацию двусторонних отношений, основанную на доминирующих мотивах и дипломатических механизмах каждого этапа.

Первый этап охватывает период с 1949 по середину 1960-х годов и характеризуется идеологической конфронтацией. Его основа – взаимное восприятие через призму блокового противостояния. Турция была встроена в атлантические структуры и рассматривала Китай как государство, чьи действия подпадают под влияние советского курса. Пекин, в свою очередь, воспринимал Анкару как элемент системы, включенной в политику Вашингтона. Дипломатические связи оставались формально невозможными, а любые каналы, возникавшие по отдельным поводам, не имели продолжения.

Второй этап – скрытая нормализация, приблизительно середина 1960-х – начало 1970-х годов. В этот период фиксируется переход от риторической враждебности к осторожным попыткам выстраивать более гибкие формы взаимодействия. Попытки установить связи через третьи страны отражали постепенное ослабление идеологической жесткости. Такие контакты не приводили к немедленным результатам, однако формировали привычку к политическому диалогу. Решение 1971 года о признании КНР становится итогом этих процессов и обозначает завершение периода изоляции.

Третий этап охватывает конец 1970-х – 1991 год. Он связан с осторожной прагматикой, возникающей в условиях трансформации экономической модели Китая и постепенного расширения внешнеполитического маневра Турции. На этом этапе отношения начинают институционализироваться, но развитие идет сдержанно. Диалог строится вокруг ограниченного круга вопросов.

Четвертый этап – институционализация интересов в 1990-2000-е годы. Он связан с распадом биполярной системы и усилением региональных вызовов. Турция и Китай сталкивались с новыми угрозами, включающими проблемы безопасности в Евразии и Ближнем Востоке. Это стимулировало взаимные визиты, открытие новых каналов политического диалога и формирование комиссий, отвечающих за различные сферы взаимодействия.

Пятый этап – современное стратегическое сближение на фоне экономической асимметрии. Он формируется с 2010-х годов и продолжается по настоящее время. На первый план выходит экономика. Китайское участие в инфраструктурных инициативах, взаимодействие в энергетической сфере, развитие транспортных проектов и растущие инвестиции определяют характер диалога. Турция стремится встроить собственные коридоры в евразийские маршруты, а Китай рассматривает Анкару как часть широкого инфраструктурного пространства. Этот этап показывает, как экономические интересы становятся структурным фундаментом дипломатического взаимодействия. Одновременно сохраняются внутренние ограничения: асимметрия торговых потоков, различия в подходах к безопасности, чувствительность отдельных политических вопросов. Р.Н. Шангараев и А.С. Ивочкина показывают взаимодействие Турции, Китая и России в Централь-

ной Азии, где государства выстраивают разнообразные модели сотрудничества и соперничества. Их исследование демонстрирует, что региональные инициативы Пекина неизбежно пересекаются с турецкими проектами, особенно в сфере культурного и образовательного влияния, а также в рамках инфраструктурных маршрутов [9. С. 146-152].

Таким образом, эволюция дипломатических отношений между Турцией и Китаем отражает сложные процессы, происходящие в международной системе на протяжении второй половины XX и начала XXI века. Движение от идеологической отчужденности к многоплановому взаимодействию формировалось постепенно, через появление новых экономических интересов, корректировку внешнеполитических стратегий и расширение институциональных механизмов диалога. История отношений демонстрирует, что изменение международной структуры и региональных конфигураций постепенно снижало роль прежних ограничений, позволяя двум государствам выстраивать взаимодействие, опирающееся на прагматические расчеты и гибкие формы сотрудничества.

Предложенная в настоящей статье периодизация показывает внутреннюю логику этого процесса и выделяет ключевые мотивы, определяющие переходы между этапами. Взаимное восприятие, возникавшее под влиянием холодной войны, уступило место осторожной нормализации, за которой последовало создание устойчивых дипломатических инструментов. На рубеже веков эта основа позволила развить экономическую плоскость отношений, которая стала структурным ядром современного взаимодействия. Современный этап представляет собой сочетание возможностей и ограничений. Турция стремится расширить собственные каналы влияния в Евразии, опираясь на экономическую мощь Китая. Пекин рассматривает Анкару как важное звено в широком евразийском пространстве. Сочетание этих факторов создает основу для сохранения политического диалога, укрепления экономических связей и постепенного формирования новых направлений дипломатического взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аватков В.А.** Уйгурский фактор в политическом взаимодействии Турции и Китая / В.А. Аватков, Е.С. Меньшикова // Свободная мысль. 2023. № 5 (1701).
2. **Галимуллина А.А.** Особенности сотрудничества Турции и Китая в рамках проекта «Один пояс – один путь» / А.А. Галимуллина, Г.А. Киньябаева // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2024. № 27.
3. **Дьяконова М.А.** Турция в реализации экономической стратегии Китая на Ближнем Востоке // Вестник университета. 2025. № 6.
4. **Зотова А.В.** Россия, Турция и Китай: история международных отношений в области развития транспортных коридоров // Клио. 2025. № 7 (223).
5. **Косов Г.В.** Геополитические интересы Турции и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь» / Г.В. Косов, А.Ю. Андросова // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2024. № 1 (5).
6. **Мозлоев А.Т.** Китай и Турция в современных реалиях / А.Т. Мозлоев, А.К. Галимзянова // Восточный альманах: Сборник научных статей / Под общей ре-

дакцией М.Г. Троянского; научное редактирование А.А. Данельян; редакционная коллегия: А.Т. Мозлоев, А.К. Галимзянова; Дипломатическая академия МИД России. Том Выпуск VII. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Квант Медиа», 2023.

7. **Мозлоев А.Т.** Роль России, Китая и Турции в становлении многополярного мира / А.Т. Мозлоев, А.К. Галимзянова // Восточный альманах: Сборник научных статей. Москва: Квант Медиа, 2024.
8. **Ульченко Н.Ю.** Глава 20. Развитие экономического сотрудничества Турции и Китая как элемент турецкой стратегии разворота к глобальному Югу // БРИКС в экономике и политике стран Азии и Африки: Коллективная монография. Москва: Институт востоковедения РАН, 2025.
9. **Шангараев Р.Н.** Интеграционные процессы России, Китая и Турции в Центральной Азии / Р.Н. Шангараев, А.С. Ивочкина // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 2.
10. **Юнгор Ч.** «Мягкая сила» Китая буксует в Турции // Мир перемен. 2022. № 4.

К.Р. ПЕТРОВА

Graduate student, Sevastopol
State University, Sevastopol, Russia

EVOLUTION OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN TURKEY AND CHINA

The article examines the evolution of diplomatic relations between Turkey and China throughout the second half of the twentieth century and the early twenty-first century. The study aims to identify the factors that contributed to the transition from ideological divergence to a contemporary model of interaction grounded in institutional and infrastructural interconnection. The choice of research focus is determined by the complexity of bilateral relations shaped by shifts in the international system, economic asymmetry, and differences in foreign policy trajectories. The methodology is based on a systemic approach and incorporates general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction) along with specialized methods used in the study of diplomatic processes, including scholarly literature analysis, source comparison, and the structural-functional method. The findings indicate that the evolution of bilateral relations is driven by a combination of political, economic, and regional factors that provide the foundation for flexible diplomatic cooperation. The current stage is characterized by the predominance of economic and infrastructural components that support the stability of the bilateral dialogue.

Key words: Turkey, China, diplomatic relations, foreign policy, international cooperation, infrastructural initiatives, economic asymmetry.